

There's no Auschwitz in Gaza. But it's still Genocide

<https://thepalestineproject.medium.com/theres-no-auschwitz-in-gaza-but-it-s-still-genocide-ce7ca71ff2aa>

A child looks on as Palestinians inspect the site of an Israeli strike on a house, in Khan Younis in the southern Gaza Strip, March 20 [Hatem Khaled/Reuters]

This is precisely what genocide looks like, write Israeli historians Amos Goldberg and Daniel Blatman

В Газе нет Освенцима. Но это все равно геноцид

<https://thepalestineproject.medium.com/theres-no-auschwitz-in-gaza-but-it-s-still-genocide-ce7ca71ff2aa>

Ребенок наблюдает, как палестинцы осматривают место израильского удара по дому в Хан-Юнисе на юге сектора Газа, 20 марта [Hatem Khaled/Reuters]

Именно так выглядит геноцид, пишут израильские историки Амос Голдберг и Дэниел Блатман.

By **Daniel Blatman** and **Amos Goldberg***

First published in *Haaretz* • Jan 30, 2025

The question of how to correctly define the atrocities perpetrated by Israel in the Gaza Strip has been under discussion for over a year among researchers, legal experts, political activists, journalists and others — a debate to which most Israelis are not exposed. For the tens of thousands of dead, injured and orphaned children, and the infants now freezing to death in Gaza, it makes no difference what definition is ultimately assigned to this crime by the International Court of Justice or by historians.

Mark Twain wrote that “The very ink with which all history is written is merely fluid prejudice.” The dangers of writing history in a biased manner are clear and highlight the need for careful and measured definitions to achieve an accurate understanding of the events taking place. Nonetheless, a meticulous comparative examination of events over the past year leads to the painful conclusion that Israel is indeed committing genocide in Gaza.

Historian Shlomo Sand argued in this paper (*Haaretz* Hebrew Edition, December 15, 2024) that despite the terrible atrocities and war crimes committed by Israel in Gaza, they do not constitute genocide. As a supporting argument, Sand contrasted the war in Gaza with two similar events, in his opinion, in which armies of democratic countries (France and the United States, respectively) committed atrocities against civilian populations that were no less horrific than those being perpetrated in Gaza, yet their actions have not been classified as genocide: the Algerian War (1954–1962) and the Vietnam War (1965–1973).

Sand’s assertion is inaccurate. Ben Kiernan, one of the world’s leading genocide scholars, estimated in his 2007 book “*Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur*,” that during the French colonial occupation of Algeria (1830–1875), between 500,000 and 1 million Algerians died from starvation, disease or deliberate killings; Kiernan views the settler colonialism in Algeria as leading to genocide, similar to the genocides caused by colonial occupation and settlement in North America and Australia. Leo Kuper, one of the first generation of genocide researchers, argued in his 1982 book “*Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*” (1982) that the atrocities committed by the French in the Algerian War may be classified as “genocidal massacres.” They do not, however, meet the criteria of full-fledged genocide.

КДэниел БлатманиАмос Голдберг* Впервые

опубликовано в *Haaretz* 30 января 2025 г.

Вопрос о том, как правильно определить зверства, совершенные Израилем в секторе Газа, уже больше года обсуждается исследователями, юристами, политическими активистами, журналистами и другими — спор, в котором большинство израильтян не участвуют. Для десятков тысяч погибших, раненых и осиротевших детей и младенцев, которые сейчас замерзают насмерть в Газе, не имеет значения, какое определение в конечном итоге дадут этому преступлению Международный суд или историки.

Марк Твен писал, что «Самые чернила, которыми написана вся история, — это всего лишь жидкие предрассудки». Опасности предвзятого написания истории очевидны и подчеркивают необходимость осторожных и взвешенных определений для достижения точного понимания происходящих событий. Тем не менее, тщательное сравнительное исследование событий за последний год приводит к болезненному выводу, что Израиль действительно совершает геноцид в Газе.

Историк Шломо Санд в этой статье (*Haaretz Hebrew Edition*, 15 декабря 2024 г.) утверждал, что, несмотря на ужасные зверства и военные преступления, совершенные Израилем в Газе, они не являются геноцидом. В качестве поддерживающего аргумента Санд противопоставил войну в Газе двум похожим событиям, по его мнению, в которых армии демократических стран (Франции и США соответственно) совершили зверства против гражданского населения, которые были не менее ужасающими, чем те, что совершались в Газе, однако их действия не были классифицированы как геноцид: Алжирская война (1954–1962) и Вьетнамская война (1965–1973).

Утверждение Сэнда неверно. Бен Кирнан, один из ведущих мировых исследователей геноцида, подсчитал в своей книге 2007 года «Кровь и почва: всемирная история геноцида и истребления от Спарты до Дарфура», что во время французской колониальной оккупации Алжира (1830–1875) от голода, болезней или преднамеренных убийств умерло от 500 000 до 1 миллиона алжирцев; Кирнан считает, что поселенческий колониализм в Алжире привел к геноциду, подобному геноцидам, вызванным колониальной оккупацией и поселениями в Северной Америке и Австралии. Лео Купер, один из первого поколения исследователей геноцида, утверждал в своей книге 1982 года «Геноцид: его политическое использование в двадцатом веке» (1982), что зверства, совершенные французами во время Алжирской войны, можно классифицировать как «геноцидные резни». Однако они не соответствуют критериям полноценного геноцида.

Regarding the Vietnam War, Sand was even less accurate. In 1966, the Russell Tribunal, an unofficial body initiated by British philosopher Bertrand Russell, undertook to investigate, evaluate and publicize claims of war crimes committed by the U.S. during the Vietnam War. This body included prominent intellectuals, politicians and activists, who included Jean-Paul Sartre (who chaired the tribunal), French feminist writer Simone de Beauvoir, Italian political figure Lelio Basso and Yugoslavian war hero, partisan and human-rights activist Vladimir Dedijer. This public tribunal concluded that U.S. military actions in Vietnam constituted genocide under the 1948 UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. These actions included the bombing and killing of civilians, the use of prohibited weapons, torture and abuse of prisoners of war, and the destruction of cultural and historical sites.

Just as many have protested what they see as insufficient international recognition of the atrocities committed by Hamas that started the current war, the tribunal's findings were criticized for not adequately addressing the war crimes of the Viet Cong and North Vietnam against the citizens of South Vietnam. However, recognizing the atrocities committed by the Viet Cong and Hamas does not negate the need to accurately define what the U.S. military did in Vietnam and what the Israel Defense Forces did in Gaza.

The Russell Tribunal pushed the discussion on genocide into additional avenues. Kuper argued that strategic bombings, such as the atomic bombs dropped on Hiroshima and Nagasaki (in 1945) and the Allied bombings of Hamburg and Dresden (in 1943 and 1945, respectively) could be considered acts of genocide because in each case, the intention was to destroy civilians. While Israel has not dropped a nuclear bomb on Gaza (despite the proposal to do so from Heritage Minister Amichai Eliyahu), recent actions in the Gaza war have breached barriers that Israel had previously been cautious not to cross.

Most acts of genocide are perceived by their perpetrators as acts of self-defense against their victims. The Israeli-Palestinian conflict undoubtedly falls into this category.

Что касается войны во Вьетнаме, Санд был еще менее точен. В 1966 году Трибунал Рассела, неофициальный орган, созданный британским философом Бертраном Расселом, взялся расследовать, оценить и предать гласности заявления о военных преступлениях, совершенных США во время войны во Вьетнаме. В этот орган вошли видные интеллектуалы, политики и активисты, среди которых были Жан-Поль Сартр (председатель трибунала), французская писательница-феминистка Симона де Бовуар, итальянский политический деятель Лелио Бассо и югославский герой войны, партизан и борец за права человека Владимир Дедиджер. Этот общественный трибунал пришел к выводу, что военные действия США во Вьетнаме представляют собой геноцид в соответствии с Конвенцией ООН 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Эти действия включали бомбардировки и убийства мирных жителей, использование запрещенного оружия, пытки и жестокое обращение с военнопленными, а также разрушение культурных и исторических объектов.

Так же, как многие протестовали против того, что они считают недостаточным международным признанием зверств, совершенных ХАМАС, которые начали нынешнюю войну, выводы трибунала подверглись критике за то, что они неадекватно рассмотрели военные преступления Вьетконга и Северного Вьетнама против граждан Южного Вьетнама. Однако признание зверств, совершенных Вьетконгом и ХАМАС, не отменяет необходимости точного определения того, что американские военные сделали во Вьетнаме, а что Армия обороны Израиля сделала в Газе.

Трибунал Рассела вывел обсуждение геноцида на дополнительные рельсы. Купер утверждал, что стратегические бомбардировки, такие как атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки (в 1945 году), и бомбардировки союзниками Гамбурга и Дрездена (в 1943 и 1945 годах соответственно), можно считать актами геноцида, поскольку в каждом случае намерением было уничтожить мирных жителей. Хотя Израиль не сбросил ядерную бомбу на Газу (несмотря на предложение сделать это от министра по делам наследия Амихая Элияху), недавние действия в войне в Газе нарушили барьеры, которые Израиль ранее остерегался пересекать.

Most acts of genocide are perceived by their perpetrators as acts of self-defense against their victims. The Israeli-Palestinian conflict undoubtedly falls into this category.

An investigation by Yuval Abraham in +972 Magazine in April , later corroborated by a separate investigation by The Washington Post , revealed that **the IDF was using artificial intelligence in its bombings in Gaza**, leading to increased harm to innocent civilians. This machine created practically endless targets. At times the destruction of entire neighborhoods and the killing of 300 noncombatants were approved just to target one Hamas leader. This logic renders all Gazan residents legitimate targets. Indeed, according to the meticulous and impressive **data collection assembled by historian Dr. Lee Mordechai** on his Witnessing the War website, it can be estimated that between 60 percent and 80 percent of the casualties in Gaza are noncombatants, more than any previous ratio tolerated by the IDF and more than in any other war to date in the 21st century. De facto, this is evidence of policy that permits the execution of genocide.

However, the main difficulty in legally defining acts of mass murder as genocide is the need to prove intent. The UN Genocide Convention of 1948 requires demonstrating the existence of an “intent to destroy, in whole or in part,” the group that is the victim of destruction, which can be a national, religious, ethnic, or racial community. The issue of intent was included in the convention partly due to a mutual interest of the U.S. and the USSR, which, during the Cold War, feared they might find themselves in the dock at the International Court of Justice for violent actions they had committed in the past or might commit in the future. ICJ was a relatively marginal factor in international relations throughout the Cold War. Indeed, the first time an international criminal tribunal convicted someone on the charge of committing genocide was Jean-Paul Akayesu, who was sentenced to life imprisonment in September 1998 for his role in the 1994 genocide of Tutsis in Rwanda.

International courts exercise great caution before determining that genocide has occurred. The appeals court that dealt with the July 1995 genocide in Srebrenica of Bosniak Muslims by Bosnian Serbs addressed the issue of the destruction of part of a group (as mentioned in the UN Convention) and ruled that the part must be distinct and defined, and its elimination must endanger the existence of the entire group. In two rulings concerning the war in the former Yugoslavia, the International Court of Justice determined that to prove “an intent to destroy,” the actions and behaviors must be such that they cannot reasonably be interpreted in any other way. In other words, it is not enough that the intention to destroy is the most plausible interpretation of the actions; it must be shown that there is no other reasonable interpretation.

Расследование Юваля Абрахама в журнале +972 Magazine в апреле, позднее подтвержденное отдельным расследованием The Washington Post, показало, что **Армия обороны Израиля использовала искусственный интеллект при бомбардировках Газы**, что приводит к увеличению вреда невинным гражданам. Эта машина создавала практически бесконечное количество целей. Иногда разрушение целых кварталов и убийство 300 мирных жителей были одобрены только для того, чтобы нацелиться на одного лидера ХАМАС. Эта логика делает всех жителей Газы законными целями. Действительно, согласно тщательному и впечатляющему **Сбор данных, собранный историком доктором Ли Мордехаем** на его сайте Witnessing the War можно подсчитать, что от 60 до 80 процентов потерь в Газе — это некомбатанты, больше, чем любое предыдущее соотношение, допускаемое Армией обороны Израиля, и больше, чем в любой другой войне на сегодняшний день в 21 веке. Фактически, это является свидетельством политики, которая позволяет осуществлять геноцид.

Однако главная трудность в юридическом определении актов массового убийства как геноцида заключается в необходимости доказать намерение. Конвенция ООН о геноциде 1948 года требует доказать наличие «намерения уничтожить, полностью или частично», группу, которая является жертвой уничтожения, которая может быть национальной, религиозной, этнической или расовой общиной. Вопрос о намерении был включен в конвенцию отчасти из-за взаимного интереса США и СССР, которые во время холодной войны опасались, что могут оказаться на скамье подсудимых Международного суда за насильственные действия, которые они совершили в прошлом или могут совершить в будущем. Международный суд был относительно незначительным фактором в международных отношениях на протяжении всей холодной войны. Действительно, первым случаем, когда международный уголовный трибунал осудил кого-либо по обвинению в совершении геноцида, был Жан-Поль Акайесу, приговоренный к пожизненному заключению в сентябре 1998 года за его правление во время геноцида тутси в Руанде в 1994 году.

Международные суды проявляют большую осторожность, прежде чем определить, имел ли место геноцид. Апелляционный суд, который рассматривал геноцид боснийских мусульман в Сребренице в июле 1995 года боснийскими сербами, рассмотрел вопрос об уничтожении части группы (как указано в Конвенции ООН) и постановил, что часть должна быть отдельной и определенной, а ее уничтожение должно поставить под угрозу существование всей группы. В двух постановлениях, касающихся войны в бывшей Югославии, Международный суд постановил, что для доказательства «намерения уничтожить» действия и поведение должны быть такими, чтобы их нельзя было разумно истолковать каким-либо иным образом. Другими словами, недостаточно того, что намерение уничтожить является наиболее правдоподобным толкованием действий; необходимо показать, что нет другого разумного толкования.

Thus, in a 2015 ruling regarding a lawsuit filed by Croatia against Serbia in the International Court of Justice, claiming that the latter committed genocide in the war against Croatia in the 1990s, the court concluded that both sides committed acts of murder and violence during the war. Still, these did not meet the threshold required to establish that genocide had occurred. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia refrained from defining any instances of violence in that war as genocide, with the exception of the July 1995 Srebrenica massacre, committed by Bosnian Serbs against Bosniak Muslims, in which 8,000 men were killed, while women and children were displaced.

Can intent be proven in the case of Gaza? Aside from the idea of using atomic weapons, Israeli politicians — among them Prime Minister Benjamin Netanyahu, President Isaac Herzog and former Defense Minister Yoav Gallant — and senior military officials have made numerous statements indicating genocidal intent, all of which have been documented: “There are no innocents in Gaza”; “We will carry out a second Nakba”; “We must destroy Amalek,” and more. Still, the concept of intent, in general, is very problematic. William Schabas, one of the leading legal scholars on genocide, explains this in his important book “Genocide in International Law: The Crime of Crimes” (2000), in which he analyzes the decisions of the special international tribunals that judged the perpetrators of genocide in Rwanda and Yugoslavia.

The proof of intent required to convict either a person or state of genocide, Schabas argues, is much more demanding and complex than that needed in a regular criminal murder trial. Particularly when it comes to a state — what can be considered an expression of the state’s intent? If perpetrators carry out their actions while making statements, orders, speeches, etc., that are genocidal, it is easier to establish that intent. In the absence of such statements, the prosecution must rely on evidence from the crime itself and the determination with which the killers executed the murders, which must reflect a clear desire to destroy the victim group. The court that dealt with the genocide in Rwanda ruled that genocidal intent could be inferred from the actions themselves, “from their mass and/or systematic nature or their atrocities.”

In the context of Gaza, Schabas believes that the case against Israel for genocide — which was filed in the International Court of Justice by South Africa, with 14 other countries in the process of joining — is robust, due to both the countless genocidal statements made by Israeli decision-makers, and the nature of the actions themselves. These include the systematic starvation of the Gaza population, the

Так, в решении 2015 года по иску, поданному Хорватией против Сербии в Международный суд ООН, в котором утверждалось, что последняя совершила геноцид во время войны против Хорватии в 1990-х годах, суд пришел к выводу, что обе стороны совершали акты убийства и насилия во время войны. Тем не менее, они не достигли порога, необходимого для установления того, что имел место геноцид. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии воздержался от определения любых случаев насилия во время этой войны как геноцида, за исключением резни в Сребренице в июле 1995 года, совершенной боснийскими сербами против боснийских мусульман, в ходе которой было убито 8000 мужчин, а женщины и дети были перемещены.

Можно ли доказать намерение в случае с Газой? Помимо идеи использования атомного оружия, израильские политики — среди них премьер-министр Биньямин Нетаньяху, президент Ицхак Герцог и бывший министр обороны Йоав Галлант — и высокопоставленные военные сделали множество заявлений, указывающих на намерение геноцида, все из которых были задокументированы: «В Газе нет невинных»; «Мы проведем вторую Накбу»; «Мы должны уничтожить Амалека» и т. д. Тем не менее, концепция намерения в целом весьма проблематична. Уильям Шабас, один из ведущих ученых-юристов по геноциду, объясняет это в своей важной книге «Геноцид в международном праве: преступление преступлений» (2000), в которой он анализирует решения специальных международных трибуналов, которые судили виновных в геноциде в Руанде и Югославии.

Доказательство намерения, необходимое для осуждения человека или государства за геноцид, утверждает Шабас, гораздо более требовательно и сложно, чем то, что требуется в обычном уголовном процессе по делу об убийстве. Особенно когда речь идет о государстве — что можно считать выражением намерения государства? Если преступники совершают свои действия, делая заявления, приказы, речи и т. д., которые являются геноцидными, то легче установить это намерение. При отсутствии таких заявлений обвинение должно опираться на доказательства самого преступления и решимость, с которой убийцы совершали убийства, что должно отражать явное желание уничтожить группу жертв. Суд, который имел дело с геноцидом в Руанде, постановил, что намерение геноцида можно вывести из самих действий, «из их массового и/или систематического характера или их зверств».

В контексте Газы Шабас считает, что дело против Израиля за геноцид, которое было подано в Международный суд ЮАР, и к которому присоединились 14 других стран, является обоснованным, как из-за бесчисленных геноцидных заявлений, сделанных израильскими лицами, принимающими решения, так и из-за характера самих действий. К ним относятся систематическое голодание населения Газы,

massive destruction of infrastructure, the ethnic cleansing of the northern Strip, the bombing of areas designated as “safe,” and more.

People looked for salvageable items amid the rubble of buildings destroyed during Israeli bombardment in Khan Yunis, on the southern Gaza Strip on April 16.-/AFP via Getty Images

Most instances of genocide in modern times have occurred after prolonged violent conflict between the group of perpetrators and the group of victims. For example, prior to the Ottomans’ genocide of Armenians, which began in 1915, Armenians revolted against Ottoman tyranny and the suppression of their national aspirations, engaging in acts of terror against the state as early as the late 19th century. The Herero people in Southwest Africa (in what is today Namibia) rebelled against German imperial rule (which, in response, nearly exterminated them) after it implemented policies that obliterated their means of livelihood (herds of cattle). The Hutus killed the Tutsis in Rwanda in 1994 after long years of conflict that originated in the privileges granted by Belgian colonial rule to the Tutsis after World War I. In this context, it is essential to note that most acts of genocide are perceived by their perpetrators as acts of self-defense against their victims. The Israeli-Palestinian

Массовое разрушение инфраструктуры, этнические чистки северной части Газы, бомбардировки районов, обозначенных как «безопасные», и многое другое.

Люди искали предметы, которые можно было спасти, среди обломков зданий, разрушенных во время израильской бомбардировки в Хан-Юнисе, на юге сектора Газы, 16 апреля.-/AFP через Getty Images

Большинство случаев геноцида в наше время произошли после длительного ожесточенного конфликта между группой преступников и группой жертв. Например, до геноцида армян османами, который начался в 1915 году, армяне восстали против османской тирании и подавления их национальных устремлений, участвуя в актах террора против государства еще в конце 19 века. Народ гереро в Юго-Западной Африке (на территории современной Намибии) восстал против немецкого имперского правления (которое в ответ почти истребило их) после того, как оно проводило политику, которая уничтожила их средства к существованию (стада крупного рогатого скота). Хуту убили тутси в Руанде в 1994 году после долгих лет конфликта, который возник из-за привилегий, предоставленных тутси бельгийским колониальным правлением после Первой мировой войны. В этом контексте важно отметить, что большинство актов геноцида воспринимаются их преступниками как акты самообороны против своих жертв.

Израильско-палестинский

conflict undoubtedly falls into this category; genocide in Gaza is seen by most Israelis as a defensive war following the horrific attack by Hamas.

Genocide does not have to conform to the Nazi paradigm, which viewed every Jew as an enemy to be exterminated. Genocide is also never linear, and contradictory processes always exist within it. For instance, while Armenians were deported and massacred in vast areas of the Ottoman Empire, in major cities like Izmir and Istanbul, they were hardly affected. In certain cases, Heinrich Himmler, the architect of the Nazi Final Solution, temporarily halted the extermination of Jews at specific places or times due to economic or diplomatic considerations, which allowed for a narrow window of rescue. Similarly, Israel has allowed humanitarian aid into Gaza (which is often exploited by Israel to promote local crime gangs), while simultaneously killing innocent civilians there.

Almost always, the orders to carry out mass murders are vague, elusive and open to interpretation. This was also the case with the Germans' Final Solution. British historian Ian Kershaw, in his book "Fateful Choices: Ten Decisions That Changed the World, 1940–1941" (2007), explains that the assertion that there was a decision to exterminate can be misleading, as it may create the impression that there was a specific moment in which an explicit order was given to commit genocide. No extermination order was issued from the top of the pyramid (Adolf Hitler) to the bottom; instead, complex interactions that included green lights to escalate violent measures, hints of approval for murderous acts, and grassroots initiatives combined to add up to a rolling escalation. Only at a later stage did the process crystallize into a clear resolution whose impact became visible on the ground. Here, the analogy to what is happening in Gaza is also relevant.

Yaniv Kubovich reported in Haaretz in December chilling testimony about what happened along the Netzarim corridor in Gaza. Anyone who crossed an imaginary line into this "kill zone," whether they are armed or just civilians who made a wrong turn, was shot dead by Israeli forces. Arbitrary violence reigns in a place where anyone can shoot any Palestinian who passes by, and every victim, even a child, is counted as a terrorist, just as every young or elderly person murdered by the Wehrmacht in villages deep in the USSR during World War II was defined as a partisan who was deserving of death. No one gave the soldiers on the Netzarim corridor, who are killing innocent people, an explicit order to do so. But those who do (and it is certainly not all soldiers) understand that no harm will come to them. A combination of hints from above (from politicians and military officers, such as

Конфликт, несомненно, попадает в эту категорию: геноцид в Газе рассматривается большинством израильтян как оборонительная война после ужасного нападения ХАМАС.

Геноцид не обязательно должен соответствовать нацистской парадигме, которая рассматривала каждого еврея как врага, подлежащего уничтожению. Геноцид также никогда не бывает линейным, и в нем всегда существуют противоречивые процессы. Например, в то время как армян депортировали и убивали на обширных территориях Османской империи, в крупных городах, таких как Измир и Стамбул, они почти не пострадали. В некоторых случаях Генрих Гиммлер, архитектор нацистского Окончательного решения, временно приостанавливал уничтожение евреев в определенных местах или в определенное время из-за экономических или дипломатических соображений, что позволяло иметь узкое окно для спасения. Аналогичным образом Израиль разрешил гуманитарную помощь в Газе (что часто используется Израилем для содействия местным преступным группировкам), одновременно убивая там невинных мирных жителей.

Почти всегда приказы о проведении массовых убийств расплывчаты, неуловимы и открыты для интерпретации. Так было и с немецким «окончательным решением». Британский историк Ян Кершоу в своей книге «Судьбоносный выбор: десять решений, изменивших мир, 1940–1941» (2007) объясняет, что утверждение о том, что было решение об уничтожении, может быть обманчивым, поскольку может создать впечатление, что был определенный момент, когда был отдан явный приказ совершить геноцид. Никакого приказа об уничтожении не было отдано сверху пирамиды (Адольф Гитлер) до самого низа; вместо этого сложные взаимодействия, которые включали зеленый свет для эскалации насильственных мер, намеки на одобрение актов убийства и низовые инициативы, в совокупности привели к непрерывной эскалации. Только на более позднем этапе процесс кристаллизовался в четкое решение, влияние которого стало заметным на местах. Здесь также уместна аналогия с тем, что происходит в Газе.

Янив Кубович в декабре опубликовал в Haaretz леденящие душу свидетельства о том, что произошло вдоль коридора Нецарим в секторе Газа. Любой, кто пересекал воображаемую линию в этой «зоне смерти», будь то вооруженные люди или просто гражданские лица, которые свернули не туда, был застрелен израильскими войсками. Произвольное насилие царит в месте, где каждый может застрелить любого проходящего мимо палестинца, и каждая жертва, даже ребенок, считается террористом, так же как каждый молодой или пожилой человек, убитый вермахтом в деревнях в глубине СССР во время Второй мировой войны, был определен как партизан, заслуживающий смерти. Никто не давал солдатам в коридоре Нецарим, которые убивают невинных людей, явного приказа делать это. Но те, кто это делает (и это, конечно, не все солдаты), понимают, что им не будет причинено никакого вреда. Сочетание намеков сверху (от политиков и военных офицеров, таких как

Brig. Gen. Yehuda Vach) and murderous lawlessness from below — this is how genocide is carried out.

In March 2022, speaking at the United States Holocaust Memorial Museum in Washington, U.S. Secretary of State Antony Blinken declared that the United States views the actions of Myanmar against the country's Rohingya Muslims as genocide. Blinken explained that he chose to make this declaration at the Holocaust Museum because the lessons of the Holocaust are still relevant today. At the time, no one was scandalized that Blinken was trivializing the Shoah, or that such comparisons should not be made. This was the eighth case recognized by the U.S. as genocide, in addition to the Holocaust. The other cases are the Armenian genocide, the Holodomor famine in Ukraine in the 1930s; the Khmer Rouge's genocide in Cambodia in the 1970s; the genocides in Rwanda, Srebrenica and Darfur; and the genocide carried out by ISIS against the Yazidis a decade ago in Iraq. Just recently, on January 9, the Biden administration (again in a statement by Blinken) recognized a 10th case of genocide: that which is being committed by the Rapid Support Forces militia in the brutal civil war that has been underway in Sudan since the fall of President Omar al-Bashir in 2019.

In Myanmar, starting in 2016, some 850,000 Rohingya were expelled to Bangladesh, and about 9,000 were murdered. This means that there was no physical extermination of all Rohingya, but rather of only a small percentage of the group. Currently, a lawsuit against Myanmar is being heard by the International Court of Justice. It was submitted by The Gambia, which was joined by several other countries, including Germany and the United Kingdom. The statements by Myanmar officials about Myanmar intent to exterminate the Rohingya are weak and incidental compared to the flood of genocidal statements heard from all corridors of politics, society, media, and the military in Israel, expressing extreme dehumanization of Palestinians, and a desire for their widespread extermination. Genocide is any action that leads to the destruction of a collective's ability to exist, not necessarily its total annihilation. It is estimated that nearly 47,000 people have been killed in Gaza and over 110,000 injured. The number of those buried under the rubble may never be known. The vast majority of the victims are noncombatants. According to the United Nations, 90 percent of Gaza's population have been displaced from their homes multiple times and are living in subhuman conditions that only increase mortality levels. The murder of children, starvation, destruction of infrastructure, including that of the health care system, destruction of most homes, including the erasure of entire neighborhoods and towns such as Jabalya and Rafah, ethnic cleansing in the northern Strip, destruction of all of Gaza's

Бригадный генерал Иегуда Вах) и убийственное беззаконие снизу — так осуществляется геноцид.

В марте 2022 года, выступая в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне, госсекретарь США Энтони Блинкен заявил, что Соединенные Штаты рассматривают действия Мьянмы против мусульман рохинджа в стране как геноцид. Блинкен объяснил, что он решил сделать это заявление в Музее Холокоста, потому что уроки Холокоста актуальны и сегодня. В то время никого не возмутило то, что Блинкен принижал Шоа или что такие сравнения не должны проводиться. Это был восьмой случай, признанный США геноцидом, в дополнение к Холокосту. Другими случаями являются геноцид армян, Голодомор на Украине в 1930-х годах; геноцид красных кхмеров в Камбодже в 1970-х годах; геноциды в Руанде, Сребренице и Дарфуре; и геноцид, совершенный ИГИЛ против езидов десять лет назад в Ираке. Совсем недавно, 9 января, администрация Байдена (опять же в заявлении Блинкена) признала 10-й случай геноцида: тот, который совершается ополченцами Сил быстрой поддержки в жестокой гражданской войне, которая идет в Судане с момента падения президента Омара аль-Башира в 2019 году.

В Мьянме, начиная с 2016 года, около 850 000 рохинджа были изгнаны в Бангладеш, а около 9 000 были убиты. Это означает, что не было физического истребления всех рохинджа, а лишь небольшого процента группы. В настоящее время иск против Мьянмы рассматривается Международным судом. Он был подан Гамбией, к которой присоединились несколько других стран, включая Германию и Великобританию. Заявления официальных лиц Мьянмы о намерении Мьянмы истребить рохинджа слабы и случайны по сравнению с потоком геноцидных заявлений, звучащих из всех коридоров политики, общества, СМИ и армии в Израиле, выражающих крайнюю дегуманизацию палестинцев и желание их повсеместного истребления. Геноцид — это любое действие, которое приводит к уничтожению способности коллектива существовать, не обязательно его полное уничтожение. По оценкам, в Газе погибло около 47 000 человек, а более 110 000 получили ранения. Число погребенных под завалами, возможно, никогда не станет известно. Подавляющее большинство жертв — некомбатанты. По данным Организации Объединенных Наций, 90 процентов населения Газы были перемещены из своих домов несколько раз и живут в нечеловеческих условиях, которые только увеличивают уровень смертности. Убийство детей, голод, разрушение инфраструктуры, включая систему здравоохранения, разрушение большинства домов, включая стирание с лица земли целых кварталов и городов, таких как Джабалия и Рафех, этнические чистки в северной части сектора, разрушение всех

universities and most cultural institutions and mosques, destruction of government and organizational infrastructure, mass graves, destruction of infrastructure for local food production and water distribution — all these paint a clear picture of genocide. Gaza, as a human, national-collective entity, no longer exists. This is precisely what genocide looks like.

Once the war ends, we Israelis will have to look at ourselves in the mirror, in which we will see the reflection of a society that not did not protect its citizens from Hamas' murderous attack, and neglected its kidnapped sons and daughters, but also committed this act in Gaza — this genocide that will stain Jewish history from now on and forever. We will need to face the reality and understand the depth of the horror we have inflicted.

What is happening in Gaza is not the Holocaust. There is no Auschwitz and no Treblinka there. However, it is a crime from the same family — a crime of genocide.

Prof. Daniel Blatman and Prof. Amos Goldberg are historians of the Holocaust and genocide studies at the Hebrew University of Jerusalem.

There's no Auschwitz in Gaza. But it's still genocide

This Is Precisely What Genocide Looks Like, Write Israeli Historians Amos Goldberg and Daniel Blatman

www.haaretz.com

университеты и большинство культурных учреждений и мечетей, разрушение правительственной и организационной инфраструктуры, массовые захоронения, разрушение инфраструктуры для местного производства продовольствия и распределения воды — все это рисует ясную картину геноцида. Газа, как человеческое, национально-коллективное образование, больше не существует. Именно так выглядит геноцид.

Когда война закончится, нам, израильтянам, придется взглянуть на себя в зеркало, в котором мы увидим отражение общества, которое не только не защитило своих граждан от смертоносного нападения ХАМАСа и пренебрегло своими похищенными сыновьями и дочерьми, но и совершило этот акт в Газе — этот геноцид, который отныне и навсегда запятнает еврейскую историю. Нам нужно будет взглянуть в лицо реальности и понять всю глубину ужаса, который мы причинили.

То, что происходит в Газе, — это не Холокост. Там нет Освенцима и Треблинки. Однако это преступление из той же семьи — преступление геноцида.

Prof. Daniel Blatman and Prof. Amos Goldberg are historians of the Holocaust and genocide studies at the Hebrew University of Jerusalem.

В Газе нет Освенцима. Но это все равно геноцид

Именно так выглядит геноцид, пишут израильские историки Амос Голдберг и Дэниел Блатман

www.haaretz.com